

*Е. А. Щепалина**

ИСПИТЬ ЧАШУ СТРАДАНИЙ: ДУХОВНЫЙ ПУТЬ И. С. ШМЕЛЕВА**

Данная статья посвящена особенностям духовного пути И. С. Шмелева: потеряв старую традиционную Россию, писатель сумел сохранить ее облик в художественном слове. Чаша страданий, которую пришлось испытать Ивану Сергеевичу, становится Евхаристической чашей, пронизанной светом Воскресения, что находит отражение в его творчестве, в возрастании от «Солнца мертвых» к «Солнцу живых». Страдание для И. С. Шмелева христологично: боль и несправедливость покрываются радостью Пасхи, а человек рассматривается не просто как сформированная средой совокупность поступков, но как «Господень сосуд», запечатлевший в себе образ и подобие Божие. Именно такое видение личности, России и мира в целом способно остановить процесс «расчеловечивания», который врывается в XX век с революцией, войнами и другими катаклизмами.

Ключевые слова: И. С. Шмелев, духовный реализм, пасхальность, страдание, Евхаристическая чаша, расчеловечивание, «Солнце мертвых», «Солнце живых».

* Щепалина Екатерина Александровна — канд. филол. наук, доцент кафедры классического и зарубежного языкознания; katerina-shhepalina@yandex.ru; Самарская духовная семинария, Российская Федерация, 443110, Самара, ул. Радонежская, д. 2; исполнитель проекта отдела сопровождения научных проектов, Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского, Российская Федерация, 191023, г. Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, д. 15, лит. А.

Ekaterina A. Shchepalina, Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of the Classical and Foreign Linguistics; katerina-shhepalina@yandex.ru; Samara Theological Seminary, 2 Radonezhskaya Street, Samara, 443110, Russian Federation; Project Executor of the Scientific Project Support Department, Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky, emb. Fontanka River, bldg. 15, lit. A, St. Petersburg, 191023, Russian Federation.

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23–28–00665, <https://rscf.ru/project/23-28-00665/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского.

E. A. Shchepalina
TO DRINK THE CUP OF SUFFERING:
THE SPIRITUAL PATH OF I. S. SHMELEV

This article is devoted to the peculiarities of I. S. Shmelev's spiritual path: having lost the old traditional Russia, the writer managed to preserve its image in the artistic words. The cup of suffering that Ivan Sergeyevich had to drink becomes the Eucharistic cup, permeated with the light of the Resurrection, which is reflected in his work, in the growth from the "Sun of the Dead" to the "Sun of the Living". Suffering for I. S. Shmelev is Christological: pain and injustice are covered by the joy of Easter, and man is considered not just as a set of actions formed by the environment, but as the "Lord's vessel", imprinted in himself the image and likeness of God. It is precisely this vision of the individual, Russia and the world as a whole that is capable of stopping the process of "dehumanization" that bursts into the 20th century with revolution, wars and other cataclysms.

Keywords: I. S. Shmelev, spiritual realism, paschal archetype, suffering, Eucharistic cup, dehumanization, "The Sun of the Dead", "The Sun of the Living".

На XX веке в русской литературе и культуре в целом лежит печать страдания: ценностные сдвиги, политические и экономические катаклизмы, войны и революции меняют сознание человека и общества. Слова лирического героя Б. Л. Пастернака: «Если только можно, Авва Отче, / Чашу эту мимо пронеси...» — особенно относятся к русским эмигрантам, кто испытал страшные испытания «века-волкодава» на себе [12, с. 515]. И. А. Бунин, А. И. Куприн, Д. С. Мережковский, А. М. Ремизов, Б. К. Зайцев и многие другие писатели, среди которых был И. С. Шмелев, оказались причастны к такому феномену, как «русский исход», затронувшему военную, богословско-философскую, культурную элиту общества.

Сам процесс «исхода» сопровождался страданием, блужданием по пустыне чужбины, где землей обетованной была потерянная Россия с традиционным ценностным укладом, которого уже нет. Однако за любым исходом прячется «пасхальность»: можно сказать, что «пасхальность» характеризует православную культуру в целом. На это впервые обратил внимание В. С. Непомнящий [10]. Исследователь выделяет два типа христианской культуры: «рождественский» (превалирующий на Западе) и «пасхальный» (свойственный православному Востоку), которые определяют-выстраивают иерархию ценностей и образ человека в мире. Если в «рождественской» культуре акцент делается на вочеловечивании Бога, Его уподоблении человеку, то в «пасхальной», напротив, важен подвиг самой личности, крестная жертва, без которой невозможно уподобиться Богу и вступить в славу Воскресения [20, с. 39–40]. О похожей типологии христианских культур свидетельствует И. А. Есаулов в работе «Пасхальность русской словесности» [5].

Примечательно, что личный подвиг и жертва пронизывают не только художественные произведения русской литературы, но и судьбы русских писателей. Отнюдь не случайно эту мысль актуализирует Ю. М. Лотман, сопоставляя литературную деятельность с мученичеством: «...авторитетность поэтического текста, право говорить от лица Истины завоевывается самопожертвованием, личным служением добру и правде, и в конечном счете, подвигом» [8].

Страдание наполняет жизненный и творческий путь И. С. Шмелева. Предпосылки для этого наблюдаются еще в детстве писателя: «Как-то приехала

матушка от Троицы. Была она у бабушки Варнавы, и он сказал ей: «А моему... имя мое назвал, — крестик, крестик...» [19, с. 281]. Несмотря на счастливое детство, проведенное в Замоскворечье, паломничества (особенно в Троице-Сергиеву Лавру), слова старца Варнавы точно обозначат судьбу Ивана Сергеевича, сопряженную с крестоношением. Первое яркое страдание, вошедшее в жизнь Ванечки, — это ранняя смерть отца, Сергея Ивановича, бывшего для своих работников «хозяином благим», служащим, в первую очередь, «Хозяину благому» — Христу. Образ отца, связанный в сознании Ванечки со справедливой силой, чистотой и заботой, «пасхален»: «Он весь душистый, новый какой-то даже: в голубом бархатном жилете с розанами, в белоснежной крахмальной рубашке, без пиджака, и опрыскался новым флердоранжем, — радостно пахнет праздничным от него» [18, с. 196]. Мучительная смерть Сергея Ивановича, подробно описанная в романе «Лето Господне» (1927–1944), «взрослит» мир семилетнего ребенка, однако уже здесь страдание не выглядит бессмысленным: страх потери отца, который в сознании Ванечки связан с потерей сакрального, божественного: «Папашенька помирает... почему Бог нас не пожалует, чуда не сотворит?!» [18, с. 373]. По мысли Е. М. Болдыревой, в финале, когда один Отец «отнимает» другого отца, «герой выбирает «безотцовщину» имманентную, но не трансцендентную» [2, с. 250]. Скорбь растворена в молитве: «Святы-ый... Бес-сме-э-эртный... По-ми... и... луй... на... а... ас...» [18, с. 388].

Чаша страданий в христианском представлении символически связана с Гефсиманским молением Христа о Чаше: «Отче Мой! если не может чаша сия миновать Меня, чтобы Мне не пить её, да будет воля Твоя» (Мф. 26:42). Вместе тем чаша страданий не мыслится без Евхаристической чаши, где это страдание избывается, где есть возможность причаститься Божественной природы Христа: «И когда они ели, Иисус взял хлеб и, благословив, преломил и, раздавая ученикам, сказал: примите, ядите: сие есть Тело Мое. И, взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: пейте из нее все, ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов» (Мф 26:26–28). В Таинстве Евхаристии человек принимает в себя Тело и Кровь Христа Воскресшего, поэтому очевидно, что страдание неизбежно ведет к Воскресению.

Интересно, что образ Евхаристической чаши у И. С. Шмелева появляется в повести «Неупиваемая Чаша» (1918), написанной в тяжелое время испытаний в Алуште, когда царил голод, страдания, а из книг под рукой было только Евангелие. В христианском понимании Христос — «всегда ядомый и никогда же иждиваемый», поэтому и чаша «неупиваемая», «неистошима», «изобилующая». Необычно, что художник Илья в произведении не изобразил стоящего в Чаше Богомладенца, который является тем самым Евхаристическим Агнцем. Рождается особая авторская интерпретация образа: символом Причастия для художника становится Пречистая, олицетворяющая духовную любовь, связанную с барыней Анастасией (имя символично и сопряжено с Воскресением), так и оставшейся для Ильи предметом мечтаний [7, с. 47].

Примечательно: осознание того, с чем сопряжена чаша страданий, наступает зачастую гораздо позже. Так, как и многие другие поэты и писатели (А. Блок, С. Есенин, А. Белый, В. Маяковский), И. С. Шмелев первоначально восхищенно отнесся к революционным событиям в России, не понимая, чем они обернутся

для русского человека. Такое неведение напоминает евангельскую просьбу сыновей Заведеевых, Иакова и Иоанна, которые хотят получить свое место рядом с Христом, когда Он войдет в Свою славу, пока, не зная, что тем самым желают себе мученической смерти. На вопрос Христа: «Можете ли пить чашу, которую Я пью, и креститься крещением, которым Я крещусь?» (Мф. 10:38) — они с готовностью говорят: «Можем» (Мф. 10:39). Дальнейший духовный путь Шмелева становится таким ответом, своеобразным «могу». Точно так же, как лирическая героиня А. А. Ахматовой в поэме «Реквием» на просьбу женщины «с голубыми губами», стоявшей вместе с ней в тюремной очереди в Ленинграде: «— А это вы можете описать?» — скажет: «— Могу» [1, с. 302].

Важно, что для И. С. Шмелева страдания ассоциируются не только с болью и муками, но и с наставлением, благим вразумлением: «Но почему толковать этот “крестик” только как провидение страданий! Страдания — земной человеческий удел, страдания — испытания, “одержжка”: *помни*. Быть может, в этом “крестике” было предвидение не только испытания?» [19, с. 282].

Очевидно, осмысление крестного пути, ведущего к Пасхе, произошло у Шмелева не сразу: метания студента, «почти безбожника», как замечает о себе Иван Сергеевич, *встречаются с духовной реальностью во время посещения старца Варнавы перед поездкой на Валаам. Показательно, что воспитанный в традиционном христианском укладе писатель, отшатнувшийся в то время от веры, выбирает для свадебной поездки древнюю обитель: пусть и бессознательно, но особую важность приобретает не комфортный отдых, имеющий туристическую цель, а углубление во внутреннего человека. Этот опыт Шмелев неслучайно осмыслит дважды, пройдет путь от «На скалах Валаама» (1897) до «Старого Валаама» (1935), от описательности реализма до погруженности в человеческую душу, до «духовного реализма», как говорит о творческом методе Шмелева А. М. Любомудров [9, с. 6]. После пережитых скорбей и страданий писатель способен «раздвигать граница времени» [6, с. 194].*

В очерке «У старца Варнавы» (1936) писатель, уже умудренный опытом революции, потери любимого сына, эмиграции, скажет: «Батюшка-Варнава благословил «на путь». Дал крестик и благословил. Крестик — и страдания, и радость. Так и верю» [19, с. 284]. Удивительная противоречивость — и страдания, и радость — уживаются и в духовном опыте Шмелева, и в христианском мироощущении в целом.

Однако «пасхальность» страдания Ивану Сергеевичу удастся отразить в своем художественном мире не сразу: прежде чем прийти к «Солнцу живых», писатель пройдет через «Солнце мертвых». Если потеря отца ознаменовала для Шмелева конец беззаботного детства, то гибель единственного сына, Сергея, расстрелянного в 1921 г. в Крыму, стала для писателя невыносимой раной, кровоточащей до самой смерти. Традиционная Россия, счастливая семейная жизнь перестали быть прежними: душераздирающие письма Шмелева Ленину, Луначарскому, Горькому уже не смогли изменить совершенного. Состояние Ивана Сергеевича ярко отражено в письме В. В. Вересаеву: «Я все потерял. Все. Я Бога потерял, и какой я теперь писатель, если я потерял даже и Бога. С большой ли, с малой буквы — бог (Бог) — он нужен писателю, необходимо нужен. Мироощущение на той или иной религиозной основе — условие, без

чего нет творчества. Откуда идти и к чему? Почвы нет. Вся вышла. Надо искать. Где найти? И поздно уже. Но не стоит о сем. Душа истекла. Нет сына, нет единственного. И еще живешь, и мучаешься. Но почему нет силы уйти совсем, не быть? Об этом долго писать. Вся жизнь наша, моя и Оли, — тьма теперь, и в этой тьме жгучая незамирающая боль...» [15].

Эмиграция сначала в Берлин, затем в Париж была лишь внешним действием: страдающее сердце писателя осталось в России. Избыванием этой душевной боли стал роман-эпопея «Солнце мертвых» (1923): текст является свидетельством пережитой Гражданской войны, голода, «красного террора» в Крыму. «Солнце мертвых» — это не евангельская светлая весть, а апокалиптические повествование, летопись «расчеловечивания»:

«Не знаю, сколько убивают на чикагских бойнях. Тут дело было проще: убивали и зарывали. А то и совсем просто: заваливали овраги. А то и совсем просто-просто: выкидывали в море. По воле людей, которые открыли тайну: сделать человечество счастливым. Для этого надо начинать — с человечьих боен. И вот — убивали, ночью. Днем... спали. Они спали, а другие, в подвалах, ждали... Целые армии в подвалах ждали. Юных, зрелых и старых — с горячей кровью. Недавно бились они открыто. Родину защищали. <...> А над ними пили и спали те, что убивать ходят. А на столах пачки листов лежали, на которых к ночи ставили красную букву... одну роковую букву. С этой буквы пишутся два дорогих слова: Родина и Россия. “Расход” и “Расстрел” — тоже начинаются с этой буквы. Ни Родины, ни России не знали те, что убивать ходят. Теперь ясно...» [16, с. 479].

«Те, что убивать ходят», потеряли образ и подобие Божие, прошли процесс «расчеловечивания». Очевидно, что на их фоне животные: павлин, голуби, куры, индюшка, лошадь, корова и другие творения Божие, тоже отдаваемые на закланье, выглядят гораздо человечнее, разделяют и усиливают глубину человеческого страдания.

Сравним отрывок из «Солнца мертвых» с пасхальным песнопением:

«Тощее солнце светит, большое, мертвое. А к вечеру — новый месяц. А где же полный? Куда-то прошел, за тучами?.. Я видел смертеныша, выходца из другого мира — из мира Мертвых. Я сидел на бугре, смотрел через городок на кладбище. Всмотривался в жизнь Мертвых. <...> Я останусь свидетелем жизни Мертвых. Полную чашу выпью. <...> Чаю Воскресения Мертвых! Я верю в чудо! Великое Воскресение — да будет» [16, с. 630–631];

«Еже прежде солнца, Солнце, зашедшее иногда во гроб, предвариша ко утру, ищущия яко дне мироносицы девы, и друга ко друзей вопияху: “О другини! Приидите, вонями помажем тело живоносное и погребенное, плоть Воскресившаго падшаго Адама, лежащую во Гробе”» (икос Пасхального канона, глас 8).

Для христианского сознания название «Солнце мертвых» вдвойне оксюморонно, так как под Солнцем Правды подразумевается Христос Воскресший: очевидно, что в тексте романа-эпопеи мысли о Пасхе, следующей за страданием, не получают полной актуализации. Надежда очень слаба. Особенно ярко это видно в финале произведения (глава «Конец концов»): все в мире происходит в последний раз: цветение миндаля, пение дрозда, но не потому, что наступает ночь как время суток, — вся Россия, весь мир входит в область тьмы.

Важно, что ницшеанская мысль о «смерти Бога» повлияла на весь XX век: «сверхчеловек» в процессе «воли к власти» может переступить любую черту [11, с. 120]. Об этом предупреждает Ф. М. Достоевский в романе «Идиот»: вовсе не случайно в квартире Рогожина висит картина Ганса Гольбейна Младшего «Мертвый Христос в гробу», где образ Богочеловека натуралистичен и далек от Воскресения, — именно убийство образа Божьего в себе ведет к человекоубийству, «человекобожеское» восстает против «богочеловеческого».

Об этом И. С. Шмелев скажет в письме Томасу Манну: «О Боге — ныне смешно и думать: сами — боги! И только избранные еще тоскуют, еще взывают...» [14]. Сон Родиона Раскольниково о трихинах в эпилоге «Преступления и наказания» в фантазийно-апокалиптической форме показывает еще до русской революции и мировых войн, к чему приведет желание «быть, как боги, знающие добро и зло» (Быт. 3:3):

«Люди убивали друг друга в какой-то бессмысленной злобе. Собирались друг на друга целыми армиями, но армии, уже в походе, вдруг начинали сами терзать себя, ряды расстраивались, воины бросались друг на друга, кололись и резались, кусали и ели друг друга. В городах целый день били в набат: созывали всех, но кто и для чего зовет, никто не знал того, а все были в тревоге» [4, с. 420].

От этого «расчеловечивания» страдает «вся Великая Россия». В рассказе «Кровавый грех» (1937) Шмелев в художественной форме показывает, что «звериное» начинается с убийства российского императора Николая II и его семьи, а затем врывается в судьбы и тех, кто поддержал кровопролитие, и в «сломанные жизни сотен добрых, искренних людей, похожих на героиню рассказа» [13, с. 1152].

В автобиографическом диптихе «Лето Господне» и «Богомолье» Шмелев, переживший личную Голгофу, напротив, усиливает «пасхальное видение» мира, где нет места бессмысленному и безысходному страданию — ведь все для Него: «И это для Него Ганька полез на крест, и отец в Кремле лазит на колокольню, и Василь-Василич, и все наши ребята, — все для Него это!» [18, с. 59].

Если «Солнце мертвых» является своеобразным реквиемом по погибшему сыну Сергею (хотя в самом тексте романа-эпопеи о нем нет ни слова), то «Лето Господне» адресовано Иву Жантийому-Кутырину, Ивушке, крестнику Ивана Сергеевича, сыну родной племянницы Ольги Александровны Охтерлони, который во многом смягчил сердечную боль супругов во Франции. Отпев Россию в «Солнце мертвых», показав ее Распятие и страдание, в «Лете Господнем» писатель отразил свет Воскресения, преображенную старую Россию, уходящую корнями в традиции Святой Руси, которую Иван Сергеевич хотел открыть для будущего поколения эмигрантов и всего русского и не русского зарубежья.

Однако испытание чаши страданий не закончилось в эмиграции, смерть Ольги Александровны, Вторая мировая война, пошатнувшееся состояние здоровья не могли не сказаться — об этом убедительно свидетельствует Г. Д. Гребенщиков:

«В Париже Иван Сергеевич оправился от удара — потери сына, рана постепенно зарубцевалась... Потом постигло его новое страшное горе — умерла жена, любимый друг, его неотлучная нянька. А потом и Гитлер пришел в Париж.

Какие-то наветы на него писались, будто бы “сотрудничал”. И, конечно, голод, во всем одинокая нужда и голод, голод...» [3].

Умение радоваться мелочам, благодарить — вот что помогает писателю пронести свой крест достойно. Чаша страданий становится Евхаристической, и даже простая еда, бытовые вещи превращаются в сакральные, бытийные:

«И вот получаю я письмо от Ивана Сергеевича, полное восторгов моей “богатырской” силе, а главное, самые ласковые слова не столько за банки консервов, сколько за гречневую кашу. “Вы же спасаете меня не только телесно, но и духовно! Ведь мне ничего нельзя есть, у меня язва желудка, и кашу Вашу я ем с благоговением, по ложечке принимаю, как причастие...”» [3].

Духовный путь И. С. Шмелева, нашедший отражение в его творчестве, завершился в Бюсси-ан-От под Парижем: и пусть роман «Пути небесные» так и не был закончен, но пути небесные открылись писателю в обители Покрова Пресвятой Богородицы. Страдание для Ивана Сергеевича христологично: боль и несправедливость покрываются светом Воскресения, а человек рассматривается не просто как сформированная средой совокупность поступков, но как «Господень сосуд»: «...будь осторожен в оценках, в трудную пору испытаний не падай духом, верь в душу человека: Господний она сосуд...» [17, с. 391].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахматова А. А. Реквием // Ахматова А. А. Собр. соч.: В 5 кн. Т. 1. / Предисл. Р. Д. Тименчика; Сост. и прим. Р. Д. Тименчика при участ. К. М. Поливанова. М.: Изд-во МПИ, 1989. 320 с.
2. Болдырева Е. М. «Утраченный рай» Ивана Шмелева в автобиографической повести «Лето Господне» // Ярославский педагогический вестник. 1999. № 1. С. 243–252.
3. Гребенщиков Г. Д. Как много в этом звуке // Воспоминания о И. С. Шмелеве. М.: Республика, 1994. URL: http://az.lib.ru/s/shmelew_i_s/text_0170.shtml (дата обращения: 15.06.2024).
4. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 6. Л.: Наука, 1973. 422 с.
5. Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности. М.: Круг, 2004. 560 с.
6. Конкина Л. С., Сотков В. А. Специфика повествовательной ситуации в очерке И. С. Шмелева «Старый Валаам» // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. № 2–1. Т. 15. С. 191–195.
7. Кошелев В. А. «Неупиваемая Чаша» Шмелева: «усадебное» и «духовное» // Вестник Новгородского государственного университета. 2004. № 29. С. 43–49.
8. Лотман Ю. М. Русская культура послепетровской эпохи и христианская традиция // Труды по знаковым системам. Культура: Текст: Нарратив. Тарту, 1992. Т. 24. URL: <http://philology.ru/literature2/lotman-92.htm> (дата обращения: 15.06.2024).
9. Любомудров А. М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б. К. Зайцев, И. С. Шмелев. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 272 с.
10. Непомнящий В. С. Пушкин. Русская картина мира. Серия «Пушкин в XX веке». Вып. 6. М.: Наследие, 1999. 544 с.

11. Ницше Ф. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 4. Институт философии. М.: Культурная революция, 2007. 432 с.
12. Пастернак Б. Л. Полн. собр. соч. с приложениями: В 11 т. Т. 4. / Сост. и коммент. Е. Б. Пастернака и Е. В. Пастернак. М.: Слово, 2004. 760 с.
13. Сотков В. А. Образ сестры милосердия в рассказе И. С. Шмелева «Кровавый грех» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. Вып. 4. С. 1149–1154.
14. Шмелев И. С. Переписка И. С. Шмелева и Томаса Манна // Публ. Ю. А. Кутыриной. Литературно-художественный и общественно-политический альманах «Мосты». 1962. № 9. URL: <http://shmelev.lit-info.ru/shmelev/pisma/shmeleva-i-tomas-mann.htm> (дата обращения: 15.06.2024).
15. Шмелев И. С. Письма И. С. Шмелева В. В. Вересаеву (1921 г.) // Встречи с прошлым. Вып. . Письма публикуются по изданию «Последний мой крик — спасите!..» М.: РГАЛИ, Русская книга, 1996. URL: <http://shmelev.lit-info.ru/shmelev/pisma/shmelev-veresaevu.htm> (дата обращения: 15.06.2024).
16. Шмелев И. С. Собр. соч.: В 5 т. Т. 1. М.: Русская книга, 1998. 640 с.
17. Шмелев И. С. Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. М.: Русская книга, 1998. 512 с.
18. Шмелев И. С. Собр. соч.: В 5 т. Т. 4. М.: Русская книга, 1998. 560 с.
19. Шмелев И. С. Собр. соч.: В 5 т. Т. 6 (доп.). М.: Русская книга, 1999. 512 с.
20. Щепалина Е. А. «Евхаристический комплекс» в прозе С. Н. Дурылина: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Щепалина Екатерина Александровна. Самара, 2019. 181 с.

REFERENCES

1. Akhmatova A. A. (1989). *Sobranie sochinenij v 5 knigakh. T. 1. Rekviev* [Collection of works in 5 books. B. 1. Requiem] / Predisl. R. D. Timenchika; Sost. i prim. R. D. Timenchika pri uchast. K. M. Polivanova. Moscow: Izd-vo MPI. 320 s. (In Russian).
2. Boldyreva E. M. (1999) “*Utrachennyj raj*” *Ivana Shmeleva v avtobiograficheskoj povesti “Leto Gospodne”* [“Lost Paradise” by Ivan Shmelev in the autobiographical novel “Summer of the Lord”]. In: Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik. No 1. S. 243–252. (In Russian).
3. Grebenschikov G. D. (1994). *Kak mnogo v ehtom zvuke* [How much in this sound] / Vospominaniya o I. S. Shmeleve. Moscow: Respublika. URL: http://az.lib.ru/s/shmelew_i_s/text_0170.shtml (accessed: 15.06.2024). (In Russian).
4. Dostoevskij F. M. (1973). *Polnoe sobranie sochinenij: v 30 t.* [Complete collection of works: in 30 volumes]. Leningrad: Nauka, 1973. T. 6. 422 s. (In Russian).
5. Esaulov I. A. (2004). *Paskhal'nost' russkoj slovesnosti* [The Paschal archtype of Russian literature]. Moscow: Krug. 560 s. (In Russian).
6. Konkina L. S., Sotkov V. A. (2013). *Specifika povestvovatel'noj situacii v ocherke I. S. Shmeleva “Staryj Valaam”* [Specificity of the narrative situation in the essay of I. S. Shmeleva “Old Balaam”]. In: Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. No 2–. T. 15. S. 191–195. (In Russian).
7. Koshelev V. A. (2004). “*Neupivaemaya Chasha*” *Shmeleva: “usadebnoe” i “dukhovnoje”* [“Undrinkable Cup”: “manor” and “spiritual”]. In: Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. No 29. S. 43–49. (In Russian).
8. Lotman Yu. M. (1992). *Russkaya kul'tura poslepetrovskoj ehpokhi i khristianskaya tradiciya* [Russian culture of the post-Peter era and Christian tradition]. In: Trudy po znakovym

sistemam. Kul'tura: Tekst: Narrativ. Tartu. T. 24. URL: <http://philology.ru/literature2/lotman-92.htm> (data obrashcheniya: 15.06.2024). (In Russian).

9. Lyubomudrov A. M. (2003). *Dukhovnyj realizm v literature russkogo zarubezh'ya: B. K. Zajcev, I. S. Shmelev* [Spiritual realism in the literature of the Russian diaspora: B. K. Zaitsev, I. S. Shmelev]. St. Petersburg: Dmitrij Bulanin. 272 s. (In Russian).

10. Nepomnyashchij V. S. (1999). *Pushkin. Russkaya kartina mira. Seriya "Pushkin v XX veke"* [Pushkin. Russian picture of the world. Series "Pushkin in the 20th century"]. Vyp. 6. Moscow: Nasledie. 544 s. (In Russian).

11. Nicshe Fr. (2007). *Polnoe sobranie sochinenij: v 13 t. T. 4* [Complete collection of works: in 13 vol. Vol. 4]. Institut filosofii. Moscow: Kul'turnaya revolyuciya. 432 s. (In Russian).

12. Pasternak B. L. (2004). *Polnoe sobranie sochinenij s prilozheniyami: v 11 t. T. 4* [Complete collection of works with appendices: in 11 vol. Vol. 4] / Sost. i komment. E. B. Pasternaka i E. V. Pasternak. Moscow: Slovo. 760 s. (In Russian).

13. Sotkov V. A. (2024). *Obraz sestry miloserdiya v rasskaze I. S. Shmeleva "Krovavyy grekh"* [The image of the sister of mercy in the story of I. S. Shmelev "Bloody sin"]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. T. 17. Vyp. 4. S. 1149–1154. (In Russian).

14. Shmelev I. S. (1962). *Perepiska I. S. Shmeleva i Tomasa Manna* [Correspondence of I. S. Shmelev and Thomas Mann]. In: *Literaturno-khudozhestvennyj i obshchestvenno-politicheskij al'manakh "Mosty"*. Publikaciya Yu. A. Kutyrinoj. No 9. URL: <http://shmelev.lit-info.ru/shmelev/pisma/shmeleva-i-tomas-mann.htm> (accessed: 15.06.2024). (In Russian).

15. Shmelev I. S. (1996). *Pis'ma I. S. Shmeleva V. V. Veresaevu (1921 g.)* [I. S. Shmelev's letters to V. V. Veresaev (1921)]. In: *Vstrechi s proshlym*. Vyp. 8. Pis'ma publikuyutsya po izdaniyu "Poslednij moj krik — spasite!.." Moscow: RGALI, Russkaya kniga. URL: <http://shmelev.lit-info.ru/shmelev/pisma/shmelev-veresaevu.htm> (accessed: 15.06.2024). (In Russian).

16. Shmelev I. S. (1998). *Sobranie sochinenij: v 5 t.* [Collection of works: in 5 vol.]. T. 1. Moscow: Russkaya kniga. 640. (In Russian).

17. Shmelev I. S. (1998). *Sobranie sochinenij: v 5 t.* [Collection of works: in 5 vol.]. T. 2. Moscow: Russkaya kniga. 512 s. (In Russian).

18. Shmelev I. S. (1998). *Sobranie sochinenij: v 5 t.* [Collection of works: in 5 vol.]. T. 4. Moscow: Russkaya kniga. 560 s. (In Russian).

19. Shmelev I. S. (1999). *Sobranie sochinenij: v 5 t.* [Collection of works: in 5 vol.]. T. 6 (dop.). Moscow: Russkaya kniga. 512 s. (In Russian).

20. Shchepalina E. A. (2019). «*Evkharisticheskij kompleks*» v proze S. N. Durylina: dis. ... kandidata filol. nauk: 10.01.01 [«The Eucharistic Complex» in the prose of S. N. Durylin: dis. ... candidate of philol. sciences: 10.01.01]. 181 s. (In Russian).